

УДК 165.5

DOI: 10.17223/1998863X/55/26

О.Е. Столярова

ПРИЗВАНИЕ УЧЕНОГО В РАСКОЛДОВАННОМ И ВНОВЬ ЗАКОЛДОВАННОМ МИРЕ¹

Каковы этические принципы функционирования науки в обществе, и на чем основана привилегированная позиция науки? В статье эти вопросы поднимаются в связи с высказанной И.Т. Касавиным идеей призвания-как-дара. Показано, что феномен призвания-как-дара соответствует харизматическому типу господства, укорененному в материальной рациональности. Показано, что данный тип господства способен приобрести новую легитимность в ситуации обратного околдовывания мира.

Ключевые слова: наука, обратное околдовывание мира, призвание, дар, этика науки.

В статье И.Т. Касавина предложен нетривиальный ответ на вопрос о возможности рационального постижения и выражения этических принципов науки. Особый интерес этот вопрос приобретает в силу того, что наука в рамках нашей европоцентричной культуры выступает образцом рациональности как наивысшей культурной ценности. Секулярное общество апеллирует к научному знанию как к первой и последней инстанции в разрешении споров, неопределенностей и противоречий. Трудно представить себе какой-либо другой, столь же универсальный социальный институт, каким является наука. Государственные границы, религии, политические течения, идеологии, как известно, разъединяют, а научное знание объединяет. Все мы, существующие субъекты, принадлежим Реальности, а Реальностью, или *природой*, – ее устройством, ее законами, – занимается именно наука. Но тем проблематичнее для нас ситуация, описанная И.Т. Касавиным: он говорит об укорененности этики науки в «первичном историческом событии», о призвании ученого со стороны самого бытия (абсолюта), об экзистенциальной миссии *дара*, которую ученый интуитивно переживает, отвечая на Призыв всей своей жизнью. Такая романтизация деятельности (миссии) ученого откликается на веберовскую дистинкцию *профессии* и *призвания* [1], абсолютизируя последнее. И.Т. Касавин предлагает нам не искать рациональное обоснование привилегированной позиции науки в обществе, а принять эту позицию как милость и благодать.

Проблема состоит в том, что с точки зрения научной рациональности романтический образ ученого, дарителя и одаряемого, представляется чем-то в высшей степени сомнительным. Конфликт «внешне-социальных», с одной стороны, и «внутренне-социальных» [2], с другой стороны, условий возможности деятельности ученого должен быть разрешен в пользу «внешнего», если мы хотим сохранить рациональные основы нашего доверия науке и ученым. Это означает, что этические принципы функционирования науки в обществе должны быть прозрачны для разума, или, иначе говоря, обладать об-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

щезначимостью в том же смысле, в каком общезначимостью обладают результаты естественных и социогуманитарных наук¹. Если мы встанем на позицию М. Вебера, который считал основой методологии социогуманитарных наук целерациональное (социальное) действие, нам придется признать, что экзистенциальное постижение ученым своей миссии как *дара* имеет отношение либо к психологизму (указывая на внутреннее, необъективируемое переживание), либо к онтологизму (указывая на некий налагающий на ученого обязательства Абсолют). И в том и в другом случае оно ускользает от научной методологии, требуя от внешнего наблюдателя и исследователя либо непосредственного вчувствования, либо метафизических спекуляций. Переводя вопрос о *даре* в область практики, мы не можем не отметить, что с правовой точки зрения (уходящей корнями в рациональное римское право) ни дарителю, ни одаряемому невозможно ничего вменить. Не грозит ли в таком случае «свободная несвобода», о которой говорит И.Т. Касавин, обернуться произволом? Если формально-рациональные правовые отношения, связанные с формально-рациональной экономикой, предполагают априорный учет действий и результатов социальных субъектов [4. С. 65], то права и обязанности, укорененные в «экономике дара», по всей видимости, подлежат только апостериорному учету и не могут претендовать на нормативный характер.

Вероятно, описанный весьма поэтично И.Т. Касавиным феномен *призвания-как-дара* следует соотнести с тем, что Вебер в противоположность *формальной* рациональности называет *материальной* рациональностью [5]. Формальная рациональность, полагает Вебер, выражает себя как универсальная количественная мера социального действия. Она есть чистая абстракция технически достижимого и экономически эффективного. Она нацелена на количественный, исчисляемый результат и поэтому является самоцелью. Она безразлична к содержательному, качественному аспекту условий и результатов действия. В отличие от нее материальная рациональность всегда имеет в виду внешние ценности – этические, эстетические, идеологические и прочие, которым подчиняется рациональное поведение, становясь ценностно-рациональным. Если формальная рациональность получает максимальное воплощение в науке с ее универсальным количественным методом познания, то материальная рациональность принадлежит тому, что принято называть *здоровым смыслом*, т.е. способности воспринимать своеобразие вещей и событий мира и выстраивать поведение, ориентируясь на качественные «гештальты»².

С материальной рациональностью Вебер тесно связывает особый тип легитимного господства – харизматический (греч. *khárisma* – дар) [5]. В отличие от «легального» типа господства, присущего формальной рациональности и, следовательно, опирающегося на обезличенные отношения, опосредо-

¹ Как подчеркивает А.Ю. Антоновский, «несмотря на все различие номотетических и идеографических наук последние в своей установке на объективность, по мнению Вебера, ничуть не уступают естествознанию» [3]. То, что этические принципы, как пишет И.Т. Касавин, ссылаясь на Витгенштейна, *трансцендентальны*, не означает, что они не могут быть выражены и поняты. Если бы принципы теоретико-познавательной позиции трансцендентализма невозможно было высказать и понять, то не имело бы смысла писать «Критику чистого разума».

² В отношении «материальной рациональности» напрашивается аналогия с гуссерлевским «жизненным миром», противопоставленным миру научного объективизма, а также с тем, что У. Селларс называет «явным образом человека-в-мире» (*manifest image of man-in-the-world*) в противоположность «научному образу» [6].

ванные нормой или законом (формальным правом), харизматический тип господства основан на личных отношениях между социальными субъектами. Право на господство в этом случае приобретает за счет веры в необыкновенный, сверхъестественный характер личности господина, его (бого)избранность. Харизматический тип господства не ограничивается, конечно, отношениями индивидов друг к другу. Он вполне может быть распространен на социальные совокупности и социальные институты в той мере, в какой они представляют собой коллективную реализацию субъективных смыслов¹. Не имеет ли в виду И.Т. Касавин именно такой вид господства, когда говорит, что «наука *приносит, дарит* обществу благо, от которого оно не может и не имеет *права* (курсив мой. – О.С.) отказаться»? *Право* здесь получает эмоциональную окраску, оно не нуждается в рациональном обосновании: общество должно признать право науки на духовное (интеллектуальное) и телесное² господство, экстатически переживая силу чудесного *дара* и подчиняясь ей.

Вебер полагал, что в *расколдованном* мире, в котором доминируют формально-рациональные отношения, харизматический тип господства вытесняется на периферию социальной жизни. В процессе расколдовывания мира (в ходе прогрессивного развития науки, постепенно проникающей во все сферы общественного устройства) ценностно-содержательные, качественные (смысловые) «гештальты» подвергаются рациональной обработке и формализуются, т.е. переводятся на язык количественных оценок, определяются через коэффициенты эффективности. Наука, являясь, с одной стороны, инструментом рационализации мира, должна, с другой стороны, как социальный феномен сама определяться через коэффициент своей экономической и технологической результативности, что обуславливает постепенную трансформацию ее социальной роли: она превращается из *призвания* в *профессию*. Аффективное действие уступает место эффективному действию. Ориентируясь на данную модель, нам следует признать, что обращение И.Т. Касавина к романтической фигуре ученого-харизматика, чьи ценностные координаты задаются «экономикой дара», выглядит как неправомерная реставрация архаического типа социального действия, запрос на который в технонаучном мире формальной рациональности попросту отсутствует или, как минимум, сильно маргинализирован.

Однако наша оценка изменится, если мы отступим от схематики Вебера на тот исторический шаг, который отделяет нас от его времени. Мы сегодня живем в обществе, которое называет себя *постсовременным, постиндустриальным, постсекулярным*. Это говорит о том, что общество занимает позицию внешнего наблюдателя по отношению к собственному прошлому и способно осуществлять критическую рефлексию в отношении собственных интегрирующих мифов, главным из которых является миф науки [7]. Сегодняшняя критика мифа науки, мифа, который выражает себя в универалистских претензиях на познание мира и овладение миром, отчасти родственна рациональной критике мифа на заре европейской цивилизации. Эта критика

¹ Пример обезличенного типа харизматического господства – это веберовская «харизма разума», т.е. феномен распределенной власти идей.

² Телесное подчинение наиболее ярко проявляется в медицинской практике и отношениях врачей и пациентов.

извлекает на свет основы нашего доверия, раскрывая логические цепочки, которые ведут к исходным общепринятым положениям, чья истинность при ближайшем рассмотрении оказывается ничем не подкрепленной. Но специфика нашей ситуации состоит в том, что сегодняшняя критика информирована многовековой историей развития науки, она, как справедливо отмечает И.Т. Касавин, является *самокритикой* науки. Иначе говоря, наука достигает сегодня таких результатов, которые по принципу обратной связи ставят под вопрос ее же собственные исходные допущения, казавшиеся незыблемыми постулаты. Процесс *расколдовывания* мира, изображенный Вебером как линейный, как направленное движение все большей рационализации, по-видимому, оказывается нелинейным: он содержит в себе момент своего собственного отрицания.

Философы и социальные теоретики сегодня обсуждают феномен *обратного околдовывания* мира (re-enchantment of the world) [7–9], подчеркивая, что ресурсы для ниспровержения идолов современности (таких как объективизм, позитивизм, сциентизм и т.п.) предоставляются самой наукой и ее техническими условиями возможности и приложениями. Технонаука создает такие феномены (генная инженерия, нейросети, квантовые процессоры и многое другое), которые не укладываются в классическую картину человеческого (рационального) доминирования. Технонаука несет в себе силу власти, контроля и порядка, с одной стороны, но и все большей неопределенности, с другой стороны. Она не столько «прозрачна» для человека, сколько загадочна для него. Она имеет не только рациональное, но и магическое измерение, причем это второе измерение не уменьшается, не маргинализируется (как предполагал Вебер), но, напротив, проявляется все сильнее. Окружающий нас мир, во многом созданный технонаукой, не только не перестает удивлять, но все больше удивляет нас качественным разнообразием, смешением фактов и ценностей, порядком, который рождается из хаоса, и хаосом, который рождается из порядка. Наука, таким образом, оказывается в наши дни «самым могущественным генератором чудесного» [8. Р. 3].

И в этой ситуации *призвание-как-дар* обретает новую легитимность. Но новая легитимность научной харизмы определяется, на наш взгляд, не тем, что наука выступает в роли пограничного контроля, отделяя фейки от истинного знания и одновременно отделяя «знающих от незнающих» (Касавин) (ибо данная модель как раз и возвращает нас назад, к легальному господству формальной рациональности). Она определяется удивительной способностью науки удивляться и удивлять, вовлекая в круг своего удивления все новых и новых участников.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 4. С. 174–188.
3. Антоновский А.Ю. Мах, Пуанкаре и Вебер: все в действительности не так, как на самом деле // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 3. С. 30–35.
4. Глазырин В.А. Определение права в социологии Макса Вебера // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 59–70.
5. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем., под ред. Л.Г. Ионина. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. 448 с.

6. Sellars W. Philosophy and the Scientific Image of Man // Sellars W. Science, Perception and Reality. Ridgeview Publishing Company, 1991. P. 1–40.
7. Berman M. The Reenchantment of the World. Cornell University Press, 1981. 368 p.
8. *The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age* / J. Landy, M. Saler, eds. Stanford University Press, 2009. 408 p.
9. Stiegler B. The Re-Enchantment of the World: The Value of Spirit Against Industrial Populism / transl. from french by T. Arthur. Bloomsbury Academic, 2014. 136 p.

Olga E. Stoliarova, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 255–260.

DOI: 10.17223/1998863X/55/26

THE VOCATION OF A SCIENTIST IN A DISENCHANTED AND RE-ENCHANTED WORLD

Keywords: science; re-enchantment of world; vocation; gift; ethics of science.

The article discusses the ethical principles of the functioning of science in society and the rational grounds for the ethics of science. These questions are raised in connection with the idea of *vocation-as-a-gift* expressed by Ilya Kasavin. Kasavin suggests that we should not seek a rational justification for the privileged position of science in society, but accept this position as a favour and grace. Kasavin's concept is considered in the context of the Weberian distinction between *profession* and *vocation*. It is shown that the phenomenon of vocation-as-a-gift should be correlated with what Weber calls *substantive* rationality, contrasting it with *formal* rationality. As opposed to formal rationality, which is embodied in science with its universal quantitative method of knowledge, substantive rationality belongs to what is traditionally called *common sense*, i.e., the ability to perceive the qualitative uniqueness of things and events in the world and build behavior based on qualitative “gestalts”. Substantive rationality is closely related to the charismatic type of authority, which can be distributed among social aggregates and social institutions to the extent to which they represent the collective realization of subjective meanings. In a disenchanted world dominated by formal-rational relationships, the charismatic type of authority is pushed to the periphery of social life. Science is determined through the coefficient of its economic and technological efficiency, which causes the gradual transformation of its social role: from a vocation it turns into a profession. Based on this Weberian scheme, we should recognize that Kasavin's appeal to the romantic figure of a charismatic scientist looks like an illegitimate restoration of an archaic type of social action; and the technoscientific world of formal rationality has no request for it, or this request is strongly marginalized. However, Kasavin's concept can be better understood in the context of *re-enchantment of the world*. This new phenomenon indicates that science and technology today provide us with the resources to overthrow such idols of modernity as objectivism, positivism, scientism, etc., i.e., to overcome formal rationality. Under these conditions, the charismatic type of authority acquires a new legitimacy.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress, pp. 707–735.
2. Antonovski, A.Yu. & Barash, R.E. (2018) O nauke Maksa Vebera: recepciya i sovremennost' [Max Weber on Science: Reception and Perspectives]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(4). pp. 174–188. (In Russian).
3. Antonovski, A.Yu. (2019) On Misinterpretation of Mach, Poincaré and Weber. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 56(3). pp. 30–35. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956343
4. Glazyrin, V.A. (2005) Opredelenie prava v sotsiologii Maksa Vebera [The Definition of Law in Max Weber's Sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 8(3). pp. 59–70.
5. Weber, M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Translated from German. Moscow: HSE.
6. Sellars, W. (1991) *Science, Perception and Reality*. Ridgeview Publishing Company. pp. 1–40.

7. Berman, M. (1981) *The Reenchantment of the World*. Cornell University Press.
8. Landy, J. & Saler, M. (eds) (2009) *The Re-Enchantment of the World: Secular Magic in a Rational Age*. Stanford University Press.
9. Stiegler, B. (2014) *The Re-Enchantment of the World: The Value of Spirit Against Industrial Populism*. Translated from French by T. Arthur. Bloomsbury Academic.